

Анна Рабокорова

**ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА КАК ОСНОВА НОМИНАЦИИ:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Многие, наверное, помнят начало удивительной сказки Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Там взрослые, разучившись понимать главное и видя лишь то, что лежит у них перед глазами, неизменно отказывались замечать удава, который проглотил слона, и принимали его за самую заурядную шляпу. Нечто подобное, как мне кажется, происходит до сих пор и с внутренней формой.

Понятие это не лежит на поверхности и, не обладая эмпирической значимостью, долгое время оставалось вне интереса философско-методологической рефлексии, направленной, в первую очередь, на анализ понятийно-концептуального аппарата естественных наук. Но сегодня момент ситуация кардинально изменилась. На передний план выдвигается сфера гуманитарного познания, в результате чего ощущается острая необходимость в прояснении его специфики и качественной определенности. Вследствие этого становятся актуальными понятия и категории гуманитаристики, отличительной особенностью которых является их универсальный характер и применимость в различных областях познания. Особое значение в связи с этим приобретает, по нашему мнению, категория внутренней формы, зародившаяся первоначально в сфере языкознания (В. фон Гумбольдт), впоследствии применявшаяся в исследованиях мифа в его связи с языком (А. Потебня), а затем получившая более общее философское осмысление (Г. Шпет).

У Гумбольдта внутренняя форма предстает как универсально действующее устройство, направляющее течение мысли [6, с. 71]. В ней причина того, что деятельность языка протекает так, а не иначе, использует те средства, а не иные. В каждом языке, по Гумбольдту, существует «возможность отыскать единую форму, из которой вытекает своеобразие его строя» [6, с. 160]. Она, осуществляя синтез внешней звуковой формы с «внутренними языковыми законами» [6, с. 107], выступает не только порождающим началом языка, формообразующим принципом, но и как особая позиция в видении мира [6, с. 80], благодаря чему слово рассматривается не как «эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова» [6, с. 103].

Для А. Потебни внутренняя форма есть прежде всего предшествующее этимологическое значение, служащее опорой для актуального значения или смысла [9, с. 97–98]. К примеру, значение слова

«око» явилось основой, на которой возникло актуальное значение или смысл слова «окно». Т.е., внутренняя форма предстает как универсальный языковой механизм, постоянно приходящий в движение в тот момент, когда нужно представить, осмыслить и закрепить в индивидуальном обозначении новое явление, а именно выразить словом новое смысловое содержание вещей. Сущностью внутренней формы, в данном случае, выступает связь смысла со звуком, где внутренняя форма предстает как некое связующее звено, которое, с одной стороны, органично сплетено с данностью слова, а с другой направляет и стимулирует образование его смысла [2, с. 55]. Но глубинный, сущностный характер этой связи со временем нарушается, в результате чего язык предстает всего лишь как набор произвольных, бессмысленных обозначений-знаков. Чтобы преодолеть это затруднение, А. Потемня вводит еще одно, более «сильное» определение внутренней формы, согласно которому она предстает уже как некий «образ образов» [9, с. 131], способный, по мысли исследователя, более надежно и органично связать между собой языковой знак со смыслом. Но между тем, приходится признать, что «преодолеть произвольность языкового знака за счет конкретно языковой внутренней формы, которая коренилась бы в непосредственной выразительности звука самого по себе и исходя из такого звука шаг за шагом мотивировала бы смысл слова, Потемне не удастся» [2, с. 60].

Проблемное поле, разрабатываемое Г. Шпетом, остается в целом в пределах границ, очерченных идеями Гумбольдта. Пытаясь освободить внутреннюю форму от психологических напластований, Шпет отказывается видеть в ней образ образа и выдвигает альтернативную точку зрения, согласно которой внутренняя форма предстает как словесно-логическая, или иначе форма форм, понимаемая как «закон становления самого, полного жизни и смысла, слово-понятия» [13, с. 50]. В то же время располагаясь на границе языковой эмпирической формы слова и «принципиально идеального смысла», внутренние формы «терминируют» изложение этого смысла, т.е. логически конструируют познание, благодаря чему выступают как «формы конструирующие или конструктивные, созидающие и дающие» [14, с. 399–400]. При этом связь между «вещью» и «знаком» носит у Шпета изначально гетерогенный характер, нуждаясь в интерпретативном методе, способном установить пределы и смысл каждого из понятий [14, с. 381].

Легко видеть, что все вышесказанное органично вписывается в большую и серьезную проблему, связанную с осмыслением значения языка не только для мышления, но и для действительности в целом. Акцент делается на то, что язык, с одной стороны, не похож на вещи, но с другой, не является и неким произвольным знаковым образованием.

Слово, при этом, рассматривается в соотношении с обозначаемым им понятием, показывая, «каким образом сама действительность отражается в идеальной стороне языковых единиц» [5, с. 12], тем самым до предела обостряя проблему сходства, связи слов и вещей. В более узком смысле эта проблема предстает как проблема номинации, в решении которой значительное место может быть отведено внутренней форме.

Задача, которую ставит перед собой автор статьи, состоит в том, чтобы раздвинуть границы применимости категории внутренняя форма, показать ее возможную приложимость к проблематике, выходящей далеко за пределы сугубо лингвистических феноменов, в частности, к области гносеологии, логики и онтологии. Поэтому целью статьи можно считать демонстрацию возможностей категории внутренняя форма для решения конкретных теоретико-познавательных и практических задач. Работы, написанные в последнее время, посвящены анализу некоторых аспектов рассматриваемой в данной статье проблемы [11; 2] и потому могут послужить отправной точкой для решения поставленных нами задач.

Первым философским осмыслением проблемы, посвященной отношениям между вещью и ее наименованием, является диалог Платона «Кратил». Столкнувшись со сложностями при разработке теории идей, Платон вынужден был искать устойчивые образования в человеческом сознании. В результате он обращается к проблеме номинации, поскольку именно имя рассматривается им как нечто относительно стабильное и непосредственно связанное с объективной действительностью. Платон предпринимает попытку «путем правильного толкования субъективных сторон имени ... получить ... реально функционирующие степени проявления объективного мира в человеческом субъекте» [7, с. 613].

Две диаметрально противоположные точки зрения задают в диалоге два крайних полюса проблемы. Кратил, ученик Гераклита, связывая имя с сущностью вещи, с ее идеей, говорит о существовании правильности имен, присущей каждой вещи от природы [8, с. 613]. Его оппонент Гермоген, последователь Протагора, указывая на отсутствие соответствия между вещью и именем, на их взаимную отчужденность, настаивает на том, что «ни одно имя никому не врождено от природы, оно зависит от закона и обычая тех, кто привык что-либо так называть» [8, с. 614]. Главным аргументом выступает для него факт наличия синонимов, благодаря чему родственные по значению слова передаются качественно отличными друг от друга звуковыми формами. Сократ, призванный разрешить спор между Гермогеном и Кратилом, парирует этот аргумент, указывая, что кроме звуковой оболочки и значения, слово имеет еще такой признак, как образ слова [8, с. 621] который, основываясь на пояснениях Платона, можно было бы назвать внутренней формой.

Дело в том, что мир идеальных сущностей, согласно Платону,

слишком далек и недоступен для человека. Его непосредственное познание – удел богов, но никак не людей [8, с. 623]. Говорить об абсолютной тождественности имени вещи самой вещи, при таком раскладе, не приходится. Следовательно, человек вынужден искать особые подходы к объективной действительности, выделяя в идеальных сущностях лишь ту или иную сторону, признак, свойство и т. д. Это, в свою очередь, приводит к необходимости тем или иным образом интерпретировать, истолковывать идеальные сущности, что благополучно и делается человеком при посредничестве внутренней формы, фиксирующей «в содержательной структуре лексических единиц признаки, служащие основанием номинации» [4, с. 234]. При этом имя, являясь полноправным носителем сущности вещи, выступает своеобразным итогом такой интерпретации, результатом осмысления, особого «видения» предмета, представленного в нашем сознании в определенный момент времени. Так, например, имя Зевса есть результат истолкования Зевса как жизни [8, с. 628], а имя Агамемнон – следствие его интерпретации как человека удивляющего неизменной отвагой [8, с. 627]¹. При этом следует понимать, что именование не есть просто пассивная репрезентация предмета в нашем сознании. Именование, указывает Платон, представляет собой сознательное воспроизведение сущности предмета [8, с. 660]. Прежде всего, это связано с тем, что внутренняя форма, в отличие от других, родственных ей категорий, таких как форма и структура, не есть некое безличностное начало. Делая акцент на активности субъекта, внутренняя форма указывает на работу сознания и мысли, на субъективный, внутренний ментальный план. Для нее важно не только «что» я вижу, но и «как» я это вижу. А здесь уже огромное значение приобретает личностное начало, позиция наблюдателя, формирование индивидуальной, личностной системы координат во взаимоотношениях с миром.

Один из главных вопросов, волнующих Платона, это вопрос об отношении «между логическим и а-, или анти-, или сверхлогическим началом бытия» [3, с. 435]. Рассекая вопрос об именовании на две принципиально не сводимые друг к другу точки зрения, указывая, с одной стороны, на связь, единство имени и вещи, отстаиваемое в диалоге Кратилом, а с другой, воздвигая непреодолимую преграду, в виде существующих между ними конвенциональных отношений, сторонником которых является Гермоген, Платон переводит проблему из области лингвистики в область онтологии, фокусируя внимание на проблеме поиска «онтологического корня» бытия. В дальнейшем обе линии получили свое развитие. Направление, заданное Гермогеном, обрело новые смыслы в концепции Ф. де Соссюра, основанной на идее о произвольной природе языкового знака. Ф. де Соссюр писал: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или, иначе говоря,

поскольку под знаком мы разумеем целое, вытекающее из ассоциации означающего и означаемого, мы можем сказать проще: *языковой знак произволен*» [10, с. 79]. Отсюда де Соссюр делает вывод о том, что идея «сестра», к примеру, не связана никакими внутренними отношениями с последовательностью звуков s-ö-t, служащей во французском языке ее «означающим». Данный тезис, согласно Соссюру, доказывается самим фактом существования различных языков. «Произвольность» не есть зависимость означающего от свободного волеизъявления говорящего субъекта. Под «произвольностью» Соссюр понимает «немотивированность» означающего, то есть то, что означающее «произвольно по отношению к означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [10, с. 79–80].

Выдвинутое де Соссюром положение легло в основание зарождающегося тогда структурализма, являясь отправной точкой для формирования новой, по тем временам, исследовательской модели. Но будучи спорным, это утверждение породило дискуссию, растянувшуюся на десятки лет. В результате – сторонники де Соссюра вынуждены были если и не отменить его генеральный тезис о произвольной природе знака, то, по крайней мере, основательно его прояснить.

Так, в работе «Природа языкового знака» Э. Бенвенист показывает внутреннюю неоднородность, двусоставность утверждения де Соссюра, подвергая одну из сторон решительному пересмотру. «Произвольность, – по мнению Бенвениста, – существует лишь по отношению к явлению или объекту материального мира и не является фактором во внутреннем устройстве знака» [1, с. 94]. Отношения между понятием (означаемым) и акустическим образом (означающим) не могут быть случайными, напротив, они необходимы, т.к. понятие неизменно отождествляется в человеческом сознании с определенным, фиксированным звуковым комплексом. Произвольность же проявляется лишь в отношениях знака и реального предмета, вещи. Противоречие в системе рождается тогда, когда де Соссюр «бессознательно» включает в определение знака третий термин, а именно эмпирический объект, реальность, что приводит к противоречию «между способом, каким Соссюр определяет языковой знак, и природой, которую он ему приписывает» [10, с. 91]. Пытаясь снять это противоречие, Бенвенист исключает из рассмотрения вопрос о соотношении слов и вещей, сводя его к философской проблеме соответствия разума и действительности [1, с. 93].

В данном контексте подобный отход от проблемы представляется весьма обоснованным. Поставив себя в определенные условия, в виде принятой за основу идеи о конвенциональной природе языка, и видя в последнем лишь произвольную систему знаков, продукт соглашения, основанного на субъективном факторе, и Соссюр, и Бенвенист вписывают

вопрос о взаимоотношениях слов и вещей в заданную заранее схему. Все дальнейшие рассуждения находятся в русле этого основополагающего тезиса. Поэтому отношения между словом и вещью, между значением и смыслом могут носить в их системе исключительно случайный, произвольный характер². Отсутствие строго фиксированных отношений приводит к тому, что слово легко становится на место вещи, а смысл заменяется значением, и наоборот. Возможность наличия между ними внутренней, сущностной связи полностью исключается, что делает невозможным применение категории внутренней форма в рамках подобных исследовательских программ.

Принципиально иное видение предлагает философия имени, направление, тесно связанное с православной христианской традицией в философии. С. Булгаков, один из его представителей, является продолжателем платоновской линии в философии. Разделив мир на две принципиально не сводимые друг к другу сферы (мир идеальных сущностей и мир жизненного пространства человека), Булгаков оказался перед вопросом о соотношении между этими мирами, вследствие чего вынужден был искать между ними посредствующее начало, некую пограничную область, являющуюся гарантом их возможной связи³. На путях решения этой задачи С. Булгаков обращается к проблеме именованности, тесно связанной с вопросом о внутренней форме.

Так именованность, согласно Булгакову, есть некий «онтологический акт», точка соприкосновения, слияния неодушевленной материи с идеей, раз и навсегда определяющая бытие своего носителя. «Ошибочно думать, – писал Булгаков, – что слова возникают или придумываются по поводу земных вещей, как их умовые отражения, напротив, земные вещи именованы по их идеям, умопостигаемым образом. Мы именуем их потому, что узнаем в них идею, дремлющую в нас самих, как их онтологическую первооснову [3, с. 115]. Благодаря этому каждое имя имеет свой изначальный, первичный смысл, который составляет, по представлению Булгакова, его внутреннюю форму [3, с. 96]. Это как бы некий оттиск, слепок с идеи, направляющий и формирующий все дальнейшие проявления смысла. В случае же забвения внутренней формы человек утрачивает способность различать этот изначальный смысл и начинает, выражаясь языком Э. Гуссерля, действовать хабитуальным (привычным) способом, что приводит к тому, что смысл отрывается от своего основания, от своей идеи. По существу, мы уже ничего не можем сказать о предмете, нам остается лишь навешивать на него разнообразные ярлыки в виде предикатов, все более и более затемняя его изначальный смысл [3, с. 101]. Средством удержания этого изначального смысла выступает, по мнению Булгакова, внутренняя форма, создающая некий пропускной режим, регулирующий общение идеального и материального.

П. Флоренский, также представитель философии имени, придерживается сходных взглядов на проблему именования, однако внутреннюю форму трактует в несколько ином ключе. С. Булгаков, по сути, сводит внутреннюю форму к некоему главенствующему, преобладающему над всеми остальными признаку (влияние А. Потебни проступает достаточно ясно). «Когда мы называем данный предмет столом,– пишет философ,– т. е., как показывает анализ этого слова, выделяем для имени его признак *стлать*, предикат постланности, постановки, приспособленной поверхности, то из всех других признаков, которые могут оказаться связаны со столом, избираем только этот» [3, с. 235]. Таким образом, мы видим, что внутренняя форма предстает у С. Булгакова как нечто фиксированное, ставшее. П. Флоренский напротив, понимает под внутренней формой постоянно рождающуюся живую сущность, событие личной духовной жизни человека [12, с. 225]. Она зависит от контекста, от здесь и теперь и потому не может иметь изначально заданного, строго определенного значения. По Флоренскому, внутренняя форма есть целый мир смысла, имеющий свои пропасти и вершины, подлинная душа слова, неисчерпаемая по своей сути. Каждая эпоха мысли прибавляет к внутренней форме нечто свое, и потому процесс познания бесконечен. Внутренняя форма, подчеркивает мыслитель, «способна беспредельно расширяться, изменяя строение соотношенных в ней духовных элементов, менять свои очертания, вбирать в себя новое, хотя и связанное с прежним содержание, приглушать старое,– одним словом, она **живет**, как и всякая душа, и жизнь ее – в непрестанном становлении» [12, с. 231]. Подобная трактовка, по нашему мнению, существенно меняет когнитивный статус внутренней формы и открывает новые возможности в ее изучении и использовании.

В заключение следует отметить, что основным результатом данной статьи можно считать расширение границ применимости категории внутренняя форма, а также демонстрацию ее гносеологических и методологических функций. Начиная анализ с лингвистического аспекта проблемы, мы подвергли рассмотрению историю и основные этапы развития исследуемого нами понятия с тем, чтобы более детально обрисовать его специфику и качественную определенность. Установление связи внутренней формы с другими родственными ей категориями, такими как форма и структура, вывело проблему на иной уровень рассмотрения. В статье показаны возможности применения внутренней формы к истории познания, к гносеологии, онтологии, а также на примере проблемы номинации ее эвристические возможности. Кроме того, нами были намечены пути использования понятия в различных сферах философско-гуманитарного познания. В частности, обращение

к внутренней форме предоставляет большие возможности для логики, теории искусства, социологии познания, а также герменевтики.

Примечания

¹ В дальнейшем эта платоновская идея найдет свое развитие в концепции В. фон Гумбольдта, считающего, что именно в этом состоит главная причина разнообразных наименований для одного и того же предмета. Гумбольдт, например, указывает на то, что в санскрите слона называют то дважды пьющим, то двузубым, то одноруким каждый раз подразумевая один и тот же предмет [6, с. 103].

² Хотя Бенвенист, в отличие от Соссюра, утверждая наличие необходимой связи внутри знака, допускает, тем самым, факт существования некоей объективной сферы в недрах человеческого сознания.

³ Задолго до С. Булгакова эта проблема достаточно остро стояла перед И. Кантом. Резко противопоставив в своей философии область чистых понятий и сферу чувственности, И. Кант столкнулся с проблемой, касающейся способа применения категорий к чувственным данным.

1. Бенвенист Э. Природа языкового знака // *Общая лингвистика*. – М.: Прогресс, 1974. – С. 90–96.
2. Бибахин В. Принцип внутренней формы и редукционизм в семантических исследованиях // *Языковая практика и теория языка*. – М.: МГУ, 1978. – С. 52–69.
3. Булгаков С. Н. *Философия имени*. – СПб.: Наука, 1998. – 448 с.
4. Варина В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // *Принципы и методы семантических исследований*. – М.: Наука, 1976. – С. 233–244.
5. Гак В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности // *Вопросы языкознания*. – 1972. – № 5. – С. 12–22.
6. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // *Избранные труды по языкознанию*. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37–298.
7. Лосев А. Ф. Кратил // *Платон. Сочинения в 4-х тт.* – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 826–835.
8. Платон. Кратил // *Там же*. – С. 613–681.
9. Потебня А. Мысль и язык // *Слово и миф*. – М.: Правда, 1989. – С. 17–200.
10. Соссюр Ф. *Курс общей лингвистики*. – М.: Соцэкгиз, 1933. – 244 с.
11. Степанов Ю. *Концепт // Константы: Словарь русской культуры*. – М.: Академ. проект, 2001. – С. 43–83.
12. Флоренский П. У водоразделов мысли // *Христианство и культура*. – М.: ООО «Изд-во АСТ», Харьков: «Фолио», 2001. – С. 15–340.
13. Шпет Г. *Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта*. – М.: Гос. акад. худ. наук, 1927. – 219 с.
14. Шпет Г. *Эстетические фрагменты // Шпет Г. Сочинения*. – М.: Правда, 1989. – С. 345–472.